

Три брата

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был царь. У этого царя было три сына, и был у него конный завод и в стороне от своего государства. И повадился к нему вор ходить: каждую ночь ворует по самому лучшему жеребцу. Только он и говорит своим сыновьям: «Любезные мои дети! Кто из вас поймает этого вора, то тому я отдам своего полцарства». И в первую ночь пошел старший сын. Только он подъехал к этому заводу, и росло здесь дерево густое; привязал он своего коня и сам сел под дубом. Посидел несколько времени и заснул. Утром просыпается и видит, что одного жеребца нет. Ну, он приехал к своему отцу. «Так и так, папаша, я проспал, а жеребца одного нет». Но на другую ночь собрался средний сын. Также и он проспал.

На третью ночь стал проситься меньшей сын; отец согласился, отпустил его. Взял с собой ружье, пистолеты, кинжал и все такое, посидел под дубом несколько времени. Только видит: бежит лев, даже земля дрожит, из ноздрей пламя пышет. Только сейчас он к заводу, отворяет дверь и выносит оттуда жеребца; только он с дубом поравнялся, Иван-царевич из ружья ударил и попал ему в ногу, перешиб ему ногу, но самого его не убил; сел он верхом на свою лошадь, за ним поскакал, только подъезжает он к лесу, вдруг лев провалился. Подъехал он к этому месту и видит ров ужасно глубокий. Только он прыгнуть боялся, а никак ему нельзя было туда опуститься.

Постоял он несколько времени и вдруг видит едут два молодца. Он им стал махать своим белым платком. Эти два молодца увидали, стали подъезжать к нему, увидел, что это его родные братья. Они ездили на охоту. Он им подробно рассказал, как и что было. Тут он придумал: лошадей своих зарезать и шкуру с них содрать и ремней нарезать, надвязать и кошелку сплести и туды опускаться. Но когда они все это сделали, то из двух братьев никто не стал опускаться, но меньшей брат согласился опуститься. Когда он сел в кошелку, то они стали его опускать, он опустился и пошел там.

Шел несколько времени и увидел впереди медное царство. Только подходит он, отворяет дверь, и сидит там девица; она стала у него спрашивать: «Любезный наш друг, Иван-царевич! Какими судьбами ты сюда попал?». Он

ей все подробно рассказал, как лев таскал у них по жеребцу и все. Она и говорит: «Ну, говорит, Иван-царевич, тебе надо спрятаться, а то лев сейчас придет сюда, будет ногу перевязывать; он теперь такой сердитый, что нельзя ему летать по вольному воздуху». Она ему и говорит: «Ты садись ко мне в сундук!». Только он успел сесть в сундук, вдруг входит лев и говорит: «Что тут русским духом пахнет?». — «Как же, говорит, не пахнуть? Вы летали по вольному воздуху, вы и набрались русского духу». Только она ему ногу перевязала, он ушел. Она тут открыла сундук и говорит: «Ну, Иван-царевич! Вылезай ты теперь!». Он вылез, она дала ему кольцо: «Когда ты, говорит, возвратишься, то меня возьми за себя замуж, а не за себя, так за братьев». Она ему и говорит: «Ну, Иван-царевич, ты теперь ступай дальше, придешь в серебряное царство; там моя средняя сестра, ты скажи, что я тебя прислала». Он распростился с ней, пошел.

Шел несколько времени и подошел к серебряному царству. Отворяет дверь, сидит там девица такая прекрасная, что лучше той. Она спросила его: «Ах, Иван-царевич! Какими судьбами вы сюда попали?». Он ей все рассказал, как и зачем пришел. «Ну, Иван-царевич, теперь вам надо спрятаться». Она спрятала его в сундук. Когда она его посадила, вдруг входит лев. «Что здесь так русским духом пахнет?». — «Как не пахнуть, когда вы летали по вольному воздуху, набрались русского духу?». Вот она ему ногу перевязала, он и ушел. Вывела она Иван-царевича из сундука и говорит: «Ну, Иван-царевич, идите в золотое царство к моей старшей сестре. Кланяйся ей от меня. Она постарается — ты убьешь этого льва». И эта дала тоже ему свое кольцо. Он распростился и пошел.

Шел несколько времени и подошел к золотому царству, отворил дверь, и сидит там прекрасная девица, что лучше средней сестры. «Ах, Иван-царевич, каким образом ты сюда попал?». Он ей все рассказал, как и зачем и что было. «Ну, говорит, Иван-царевич, теперь тебе надо спрятаться: он сердит, что нельзя ему летать по вольному воздуху». Посадила она его в печку. Только вдруг входит лев: «Что русским духом пахнет?». Она перевязала ему рану, а он ушел. Иван-царевич из печки вышел и стал спрашивать: «Как и где бы мне его поймать?». Она ему и говорит; «Если ты возьмешь за себя замуж, то я помогу его убить. Ступай вот в эту комнату; он спит, храпит, ты возьми свое копье и как можно старайся попасть ему в шею, чтоб с одного разу отрубить ему шею, а если в другой раз ударишь, то он воскреснет и тебя съест». Он пошел и видит, что лев лежит, храпит; он подошел, ударил, и шея отвалилась и покатилась. Он возвратился к ней. «Ну, говорит, любезная царевна, я льва похитил; пойдём

отсюда мы, захватим твоих двух сестер; эти сестры будут замужем за моими братьями, а я тебя за себя замуж возьму!». Так они взяли сестер, пошли, подошли к тому месту, где его опускали, и видят, что кошелка висит.

Иван-царевич посадил первую сестру из медного царства, подергал ремни, братья и вытащили ее и опять опустили кошелку. Иван-царевич посадил сестру из серебряного царства, подергал ремни, братья вытащили и ее и опять опустили кошелку. Потом Иван-царевич посадил сестру из золотого царства, он ей сказал: «Ты скажи им, что ты моя невеста, а сестры — их невесты». Только когда братья ее вытащили, то те братья так и удивились такой красоте невиданной. Они и говорят: «Надобно убить его и эту красавицу за себя замуж взять». Вот когда они опустили кошелку, Иван-царевич сел в кошелку, они его потянули, тянули, тянули и отрубили ремень. Так Иван-царевич упал и лежал несколько времени без чувств.

Когда он опомнился, ходил он по всем царствам и не знал, что ему делать и как отсюда вылезти. Только вдруг он идет, попадается ему старичок, стал Ивана-царевича спрашивать. «Что, говорит, ты, любезный человек, что ты здесь ходишь и зачем сюда попал?». Он ему подробно все рассказал, что и как случилось. «Ну, Иван-царевич, я тебе помогу в твоём горе, дам я тебе ружье, дробь и пороху, и дам я тебе две кошелки, и ступай ты, настреляй всякой дичи обе кошелки, если можешь, и больше настреляй». Ну, Иван-царевич пошел и настрелял дичи обе кошелки и возвратился опять к этому старичку, старичок у него спрашивает: «Что настрелял?». — «Вот настрелял». «На вот тебе бочку, налей ее полную воды и пойдем к тому месту, где ты опускался». И подошли они к этому месту, вдруг старик свистнул, и прилетает огромной величины птица.

«Вот говорит, ты на эту птицу садись, привяжи кошелки и бочку с водой на нее. Когда она оглянется на правую сторону, то ты кинь ей в рот птицу, когда оглянется на левую, то влей ей кружку воды в рот. Но когда ты будешь видеть, что мало дичи, то давай режь, а то когда вся дичь выйдет, она тебя опять уронит на пол». Иван-царевич сел на нее и полетел. Вот у него вся дичь и вода вышли, а было ему еще много вверх лететь. Птица на какую сторону ни оглянется, все он ей ничего не дает ни воды, ни дичи. Тут он испугался, что она его уронит, он взял из своей правой ноги икру вырезал и бросил ей в рот. Она вылетела и стала у него спрашивать: «Ну, Иван-царевич, что ты мне в последний раз так сладко дал?». Он и говорит: «Я из своей из правой ноги вырезал икру». — «Ах, Иван-царевич, мне тебя

жалко». Птица харкнула и выблевала икру, к этому Месту она приросла сейчас. Птица полетела вниз, а он пошел к своему царству.

Шел он несколько времени и пришел в свое царство ночью. Ни в одном месте нигде не было огня; был огонек в одном маленьком домике. Он постучал, и отперли ему, и видит: сидит здесь башмачник и шьет башмаки. Он у него спрашивает: «Кому же ты шьешь башмачки?». — «Я, говорит, шью: наш царь хочет жениться на Марье-царевне и велел сшить ей башмаки, золотом шитые, алмазом усыпаны, только без мерки, и если не потрафлю, то голову снесут». Иван-царевич и говорит: «Не плачь, любезный, утро вечера мудренее. Ложись спать, а я тебе сошью башмаки». Утром встает башмачник и видит, что башмаки сшиты. Иван-царевич и говорит: «Ну, говорит, донеси к своему царю». Когда он донес к Марье-царевне, и она примерила, что башмаки по ноге, и так ей понравились, что очень хорошо были сделаны. Она увидела в башмаках надпись, что «не ходи, Марья-царевна, ни за кого замуж, а подожди Ивана-царевича; он скоро к тебе будет». А вечером Иван-царевич поблагодарил башмачника и пошел. И видит в одном месте огонек, больше нигде не было огня, постучался, отперли ему. И видит: сидит портниха и шьет платье. Он у ней стал спрашивать. «Кому же это ты шьешь платье?». — «Марье-царевне: она хочет идти замуж за нашего царя; да вот боюсь, что без мерки не угадаю, а как не угадаю впору, то казнят». — «Ну, — говорит Иван-царевич, — не печалься, ложись спать, утро вечера мудренее. Я тебе сошью платье». Она легла спать. Утром просыпается, видит, что платье готово. Вот она понесла к царю; Марья-царевна примерила, и так ей понравилось платье, и видит она на платье надпись: «Не ходи, Марья-царевна, ни за кого замуж; Иван-царевич к тебе скоро будет». Вечером Иван-царевич поблагодарил портниху и пошел. И видит в одном месте огонь, больше нигде не было огня. Он постучался, его впустили и видит он: сидит серебряник, делает золотой перстень с брильянтами. Он его и спрашивает; «Кому ты это перстень делаешь?». Он говорит: «Марье-царевне, что за нашего царя замуж выходит. Да вот без мерки боюсь не потрафить!». — «Ну, не бойся, ложись спать, утро вечера мудренее». Вот утром и говорит Иван-царевич серебрянику: «Дай я сам отнесу перстень, а ты не ходи!».

Приходит он во дворец, видит, что все готово к венцу, только дожидались одного перстня; он подносит перстень Марье-царевне. Она его узнала, кинулась к нему на шею. «Ах, говорит, любезный мой жених, сколько я тебя ждала; твои братья, говорит, посылали меня гусей стеречь и уток и тиранили надо мной, теперь я было согласилась идти за них замуж». — «Ну,

Марья-царевна я тебя за себя возьму замуж. Пойдем к моему родителю». Он пришел к нему в комнату, бросился к нему на шею. «Ах, любезный мой сын, где ты до сих пор был? Мне твои братья сказали, что тебя растерзал лев». Иван-царевич рассказал ему все подробно, как и что с ним братья сделали. Отец и говорит: «Что ты хочешь, то с братьями и делай, а какую хочешь, бери невесту из трех сестер». — «Ну, говорит, папаша, вот моя невеста, а братьев я, говорить, брошу обоих в ров». Тут он обвенчался, стал жить-поживать, добра наживать.

(Тульская губерния, деревня Селино Веневского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.